

Слёзы Турана -6: 12 ворот открываются разом

Category: Kitarcy, Taryhy proza

написано kitarcy | 24 января, 2025

Слёзы Турана -6: 12 ворот открываются разом 12 ВОРОВ ОТКРЫВАЮТСЯ РАЗОМ

Рано утром, когда воробьи еще не опустились с крыш, чтобы поискать потерянные в пыли зерна, на одном из минаретов города раздался голос, призывающий сотворить утренний намаз. Все четверо ворот нового и 12 ворот внутреннего города, тяжело скрипя, раскрыли свои огромные пасти, украшенные зубастыми железными решетками.

Не успел сонный стражник опустить толстую цепь ворог на землю, как конь Ягмура звонко ударил копытом по мощеной дороге. И несмотря на скромное одеяние всадника, стражники низко ему поклонились. А тех, что ехали на ослах или шли пешком, они подталкивали и щупали копьями.

– Не лезьте, успеете! – кричал усатый страж, потрясая оружием. – Хранители святых мест призывают в первую очередь достойных, а вы, рабы, помолитесь и у мечети.

И древки копий упирались в спины оборванных людей и костлявых животных.

Одним из виднейших городов Азии того времени был Мерв – столица Хорасана. Многие источники свидетельствуют о силе, красоте и богатстве города. А сколько легенд и сказаний связано с его строительством! Восточные и западные соседи мечтали поживиться за счет собранного здесь золота.

Великий Мерв Он раскинулся на равнине у реки. Большинство построек в нем из глины. Издалека виднелись яркие украшения мечетей.

Мервские базары на весь свет славились изобилием и богатством. Расположены они были у ворот внутреннего города, неподалеку от старой мечети. В день святой пятницы базарные площади заполнялись густыми людскими потоками. Странное разнообразие,

смешение рас, одежд, обычаев. Во всей этой массе преобладали люди с черными, опаленными лицами. Тут и там – красные халаты хорезмийца и серебристые широкие пояса мидийца...

Неторопливо взмахивая широкой кистью и смачивая нежные плоды водой, торгует индус; а рядом, щелкая длинными желтыми ногтями по тонкой, как яичная скорлупа, чашке, священнодействует раскосый китаец. Он торгует заклинаниями и разными чудесами... Огузы отличались на этих базарах дерзостью, ловкостью и деловитостью. Кто знает, может степняков манили и волновали огромные богатства или людские сборища?..

Пожалуй, самое почетное место на базаре занимали ткачи. В их уголке базара искрились «алача» – женские платья с широкими полосами, сшитые из разных сортов шелка, и тонкие, как паутинка, платки. У канала, где женщины и дети с окраин города готовили лепешки и чай, земля была устлана коврами.

И если продавец «алача» старался блеском и шуршанием шелковистой материи привлечь внимание покупателей, то хозяин ковров мудрил иначе – он с силой сворачивал их: плотный ковер разворачивался сам...

Дикие татары с косыми глазами и острыми скулами хохотали от радости, меняя свою одежду из лошадиных шкур на легкие, красивые халаты.

А дальше тянулись ряды менял, книготорговцев, золотых дел мастеров, москательных торговцев, ряды с сахаром, восточными сладостями и пряностями.

Торговые ряды кончались, а улицы с богатыми домами и мечетями тянулись дальше.

Ягмур обогнул крепость султана, переехал четыре широких канала и на одной из улиц долго смотрел, как поливальщики бережно делили воду. В каналах были устроены деревянные заслонки, а в них виднелись отверстия, которыми люди измеряли струю воды.

Высокий, бородатый тюрк командовал поливальщиками с лошади.

– Будьте вы прокляты! – кричал он горожанину, не в меру затопившему свой сад. – Или вы думаете, что вода не нужна соседу! Эй, кто там! Запомните... Этот дом до шабадана (Шабадан – июль) не получит ни капли воды. Будет так или я стану презренным ослом.

Он хлестнул лошадь плетью.

Хозяин дома, пышнобородый бухарец, виновато опустил голову и запер резную дверь на тяжелый кованый запор.

Ягмур проехал богатые кварталы и направился к закопченным мазанкам. За тамдырами, возле арыка стоял тяжелый, густой запах от копошившихся шелкопрядов и пропаренных коконов, от которых брали блестящие гладкие нити. Юноша подгонял скакуна, напевая про себя песню, когда-то услышанную от мастера Айтাকা. Теперь Ягмур знал, что такое свобода. Он чувствовал ее, и она была для него дороже всего на свете. Пусть в кармане ни дирхема и над головой в самую холодную ночь только звездное небо, но он теперь свободен, хозяин своей судьбы.

– Эй! – раздался вдруг чей-то хриплый голос, и грубая, жилистая рука схватила коня под уздцы. – Ты где добыл такого красавчика? – Ягмур только тут увидел направленное в грудь копьё. Перед ним стоял рябоватый слуга хозяина караван-сарая. Сам хозяин выглядывал из ворот соседнего дома. – Не подарил ли тебе его эмир? – усмехнулся стражник. – А может, украл, собака? – и скуластый кипчак рванул повод.

Ягмур скорее почувствовал надвигающуюся беду, чем сумел сообразить в чем дело. Со свистом опустив плетью на кипчака, он ударил коня пятками. Жеребец испуганно заржал, вскинул передние ноги и, отбрасывая стражников, рванулся вперед. Над ухом Ягмура просвистело копьё.

– Вай, правоверные, держите вора! – неслось по улице. – Это же конь нашего бека. Эй-и..! – призывал стражник, тяжело припадая на левую ногу.

Ягмур свернул в ближайшую улицу и остановился у большого хауза. Тут его окликнул испытующий старческий голос:

– Эй, джигит, не коснулась ли твоего сердца тень сомнения?... Или дела похуже?.. Но даже умирающему в пустыне оказывают уважение, дарят внимание...

Ягмур оглянулся и увидел знакомого дервиша. Опираясь о палку, старик пристально посмотрел юноше в глаза и сказал, кивая на коня:

– Кто бросает случайного спасителя, тот может забыть и своих друзей. Разве не он помог тебе в трудную минуту? Почему ж бока

его впали, ребра торчат. Имея лошадь, хозяин должен иметь и корм. А ты, видно, после вчерашнего и сам не держал во рту ни крошки и коня не кормил. Не дорог тебе друг?

– Скорее дам отрубить руку, чем коня потеряю.

Дервиш взялся за повод и, похлопав коня по крутой шее, сказал:

– Рядом тут живет мой друг. У него нет тонких кушаний, но найдется кусок чурека и охапка свежего сена для лошади.

Поклонившись, Ягмур повел коня за стариком. У невысокого размытого дождями дувала, дервиш остановился и трижды стукнул палкой в старенькие ворота.

– Да будет благословенен тот час и день, да поселится в этом доме счастье и покой! – осторожно ответил он на тихий вопрос хозяина.

Ворота тихо приоткрылись и на улицу вышел невысокий, плотный человек, в широком ярком халате, с длинным ножом у пояса. Густая борода заволновалась, и хозяин упал на колени перед гостем.

– Пусть продлится ваше пребывание на земле сто лет и один год!

Дервиш поднял хозяина и, прижав руку к груди, тихо ответил:

– Слава Аллаху! Все ли в семье живы и здоровы?

– Зачем об этом спрашивать? – все так же низко кланяясь, ответил хозяин дома. – Как здоровье моего дорогого гостя?.. Эй, кто там в доме, стелите ковры, готовьте лучшую еду!

Гости прошли на мужскую половину двора, а их лошади остались под развесистым деревом. Странники долго пили чай и только после этого хозяин начал разговор.

– На базаре слышал, что вы, мой учитель, были в Самарканде.

– Далек мой путь. Был у стен священной Мекки. – Дервиш посмотрел на Ягмура. – Мой путь покрыт пылью дальних дорог и святыми молитвами о счастье бедных.

Ягмур понял намеки дервиша.

– Не знаю, как вас благодарить, – еле слышно ответил юноша. – Нет у меня на этой земле никого, кто бы мог защитить меня от обидчика. Похоже, что я ищу того, чего не потерял. Спешу к тем, кто меня не ждет.

– Крик твоего сердца я услышал в караван-сараяе... Ты не одинок, мой сын, с тобой справедливость и добро. Такому богатству

может, позавидовать каждый. А родственниками славного джигита будут подвиги!..

Рассказ Ягмура не удивил старших. Хозяин спокойно подливал чай, а дервиш осторожно клал в рот маленькие кусочки сушеной дыни, пожевывал.

Хозяин двора внимательно слушал, а когда Ягмур закончил, то поднялся и ушел в дом. Старик-дервиш белыми, выгоревшими глазами молча смотрел на обвалившийся ду-вал. Вернулся хозяин. Длинным острым ножом он разрезал бичеву у крепко стянутого свертка.

– Возьми и переоденься, – сказал он.

Рубашка и халат были не по росту большие, но Ягмур быстро приладил их, подвернув рукава.

Хозяин дома опустился на колени, будто хотел прочесть молитву, и прошептал:

– Твой гороскоп составлен в счастливую минуту. Я такой же огуз, только родина моя в далеком Ираке. Слушай, брат мой! Всем, что ты видишь вокруг, я обязан ему... – и он низко поклонился дервишу. – Он подобрал меня в Балхе, когда я бежал из плена, и увлек за собой, как поток щепку. В этом доме знают, что такое несчастье. Пусть мой дом станет и твоим домом.

– Примите в благодарность и вы мое сердце, Абу-Муслим! Судьба прошедшей ночью свела меня с достойным богатуром Чепни, который знает мастера Айтиака.

– Чепни достойный воин, – поддержал дервиш юношу.

– Я дал клятву отомстить за мастера Айтиака. Это и привело меня в Мерв в поисках черной, горбатой змеи, – Ягмур нагнулся и тихо добавил. – В моем хурджуне таятся драгоценности, которые теперь, когда смелый Чепни указал мне на летучих мышей дворца, я не знаю – какому продать их ювелиру.

Хозяин двора и дервиш насторожились.

– В Самарканде против султана султанов готовится смута. Черные псы базара хотят набить сундуки золотом.

– Сын мой, чем полнится река твоей уверенности?

– Верные люди указали на главного смутьяна. Знайте, что мой бывший хозяин – ядовитая тварь. Стрела моя нацелена в эту

цель. Я готов отдать жизнь за султана султанов, великого представителя сельджукидов!

– Желание достойно уважения и подражания. Помнишь ли ты, богатур, о летучих мышах Чепни?

– Помню.

– Не уподобься же тем, кто желает сушить муку на веревке. Горек хлеб в тех руках, что украшены драгоценностями султанских лизоблюдов.

– Ай, птице не страшна высота, волнует другое. В караван-сарае, мудрейший, вы развернули передо мной ковер, сотканный из ярких слов... Но вы оставили в тени главное – рассказ о мастерице.

– Все это так, бек-джигит, но если бы, просеяв муку, сито вешали на место! Хранитель султанской библиотеки ослеплен сиянием дворца. И высшим несчастьем он считает служить султану, к чему готовит и дочь свою, наделенную даром поэзии. Аджап достойная дочь своего народа. Мне говорили, что сейчас она в Самарканде, постигает мудрость книг древних философов.

– Не совсем так. Аджап сейчас на пути к Мерву.

– О, это звезда, взошедшая на чужом небосклоне!

– Мудрейший!..

– Ей надо было бы родиться при Мелик-шахе, отце султана Санджара, покровителе нации и искусства. А сегодня ее ждет удел оскорбленной и обездоленной.

– Не говорит ли в вас обида?

– Нет.

– Об этом надо сообщить во дворец, – после длительных раздумий сказал дервиш, распластав на ковре длинное, костлявое тело.

– О, мудрейший!..

– Молодой воин хочет напомнить мне об обиде, нанесенной во дворце? Вода мутится в верховье реки. А пить придется простым людям, на головы которых и так легло много пепла несчастья. Зло распускают, чтобы получить больше дешевых работников и поднять цены на базарах. Кто заботится лишь о своем заде и пояснице, часто стано вится горбатым... А с дворцом у меня свои счеты. Спешу, юноша, к ювелиру, а то драгоценности могут потускнет!

- Завтра я помогу ему встретиться с начальником дворцовой стражи, – отозвался хозяин дома.
- И постарайся, чтобы за драгоценности была достойная плата.
- На прошлой охоте визирь растоптал кравчего упущенного джейрана. Сотник ищет взамен молодого воина.
- По стаду и пастуха подбирают! – ответил старик. – Голос разума подсказывает, что сотник будет тебе благодарен за нового кравчего. Согласен ли ты, джигит?
- Ягмур нагнул в знак благодарности голову, приложил правую руку к сердцу.
- Пусть же будет так! Аминь! А теперь – пора спать. Завтра многое свершится и в твоей судьбе.
- Чепни говорил о каких-то отрядах, посланных султаном в Балх, против огузов. Так ли это?
- В песках говорят о том же, но не знают, почему эмир Кумач задержал их у Балха, не переправил на ту сторону Джейхуна. Солнце принадлежит сильному, жареная пшеница – зубастому. А в воздухе пахнет падалью. – Дервиш задул светильник, натянул на голову плащ. Сон воцарился в доме...

Продолжение следует >> [Тагуһу проза](#)